

ЗАМЕТКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-238-241

© П. Р. Заборов

«СИЯ КНИГА ГРЕШНОГО СТЕПАНА»

Цель настоящей заметки — краткое и, к сожалению, неполное описание рукописного сборника конца XVIII — начала XIX века (по своему формату скорее напоминающего альбом), который поступил в Пушкинский Дом еще в довоенное время, но до сих пор не стал объектом изучения архивистами и историками литературы.¹ О себе «грешный Степан», владелец и составитель этого сборника, сообщает, кроме имени, лишь фамилию — Степан Ольховский, а его неизвестный нам наследник несколько дополняет эти сведения, указывая, что Стефан Васильев (т. е. Степан Васильевич) Ольховский был священником.

Другими сведениями об этом человеке мы не располагаем. Однако характер сборника свидетельствует о том, что это был неутомимый книголюб, любитель литературы и в особенности поэзии, обладавший хорошим вкусом. Книги стоили в ту пору очень дорого, и простой священник мог себе позволить подобную роскошь лишь в исключительных случаях, так что собрать большую личную библиотеку Ольховский вряд ли был в состоянии. Для утоления этой страсти он и начал составлять свой сборник, который не случайно называл книгой. Датировка сборника подтверждается филигранями на использованной Ольховским бумаге, а также его типичным для этого времени почерком, как правило, почти каллиграфическим, но иногда переходящим в трудно читаемую скоропись, к тому же изобилующую всевозможными исправлениями и разного рода пометками.

Привлекавший его материал Ольховский извлекал преимущественно из современных изданий, которые попадали в его руки разными путями: давались на время в пользование или дарились знакомыми и друзьями, причем последнее не исключало копирования им некоторых особенно любимых ему текстов. Впрочем, вопреки этому принципу, открывался сборник вообще не заимствованием из того или иного печатного источника, а воспроизведением списка, что само по себе примечательно, поскольку список этот, по-видимому, явля-

ется самым ранним стихотворным переводом на русский язык первых трех песен знаменитой героико-комической поэмы Вольтера «Орлеанская девственница» («La Pucelle d'Orléans», 1730, л. 3–24 об.), судьба которой в России, ввиду ее антиклерикальной направленности, была, как известно, весьма драматичной: достаточно напомнить, что ее полноценный русский перевод впервые увидел свет лишь в советское время.²

Самый интерес православного священника к этому замечательному образцу просветительского вольномыслия весьма необычен. Мы ничего не знаем о том, как этот перевод к нему попал и кто являлся его автором: несомненно лишь, что это был старательный и умелый стихотворец, вполне прилично знавший французский язык, но человек не слишком образованный, хотя какими-то сведениями об истории Франции и Столетней войне он, конечно, обладал. Переводил он, иногда смутно понимая, о чем и о ком идет речь, не вникая в смысл событий и сильно затрудняясь в передаче имен собственных и географических названий, а нередко и вообще сильно отдалялся от оригинала. При этом перевод его страдал многословностью, сильно превосходя объемом оригинал, стих — неуклюжестью, а язык — обилием тяжеловесных конструкций и лексических архаизмов, что позволяет предположить его весьма солидный возраст. И все же это был стихотворный перевод, который, будь он широко известен, мог бы дать русскому читателю хоть какое-то представление об этой «одиозной» поэме. К тому же «камерный характер» перевода позволил автору не пренебрегать встречающимися там эротическими сценами и описаниями, а также просторечиями и грубыми словами, которые вряд ли бы пропустила бдительная российская цензура.

Ввиду того, что перевод этот не получил распространения, в качестве примера приводим небольшой его фрагмент («зачин» поэмы) и для сравнения соответствующий французский текст:

¹ ИРЛИ. № 4930. 70 л. Далее ссылки на эту единицу хранения приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера листа.

² См.: Заборов П. Р. «Орлеанская девственница» Вольтера в русских рукописных переводах // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10. С. 247–250.

Я не рожден и не дерзаю
 На бренной лире прославлять
 Святых, которых почитаю,
 Как всякой может почитать.
 Язык мой грешным страхом связан,
 Но здесь я петь Жан д'Арк обязан,
 Жан д'Арк, которой небеса
 Нигде подобной не являли
 Лишь об одной и позволяли
 Творить отличны чудеса.
 Она бретонцев победила
 И девственной рукой своей
 Седьмого Карла воцарила.
 Угодно также было ей,
 Употребив отважны средства,
 Избавить Францию от бедства.
 Под юпкой простенькой она
 Геройство чудное носила,
 Роланда в ней была и сила,
 Его и храбрость ей дана.

(л. 3)

Ср.:

Je ne suis né pou célébrer les Saints:
 Ma voix est faible, et même un peu profane.
 Il faut pourtant vous chanter cette Jeanne,
 Qui, dit-on, des prodiges divins.
 Elle affermit de ses pucelles mains
 Des fleurs de lys la tige Gallicane,
 Sauva son Roi de la rage Anglicane.
 Elle le fit oindre au maître-autel de Rheims.
 Jeanne montra, sous féminin visage,
 Sous le corset et sous le cotillon,
 D'un vrai Roland le vigoureux courage.

Три первых песни поэмы Вольтера, которыми располагал Ольховский, составляли лишь ее незначительную часть: оставалось еще двадцать, о содержании которых он мог лишь догадываться. Иначе обстояло дело с бурлескной поэмой в трех песнях «Похищение Прозерпины» Е. П. Люценко и А. М. Котельницкого,³ воспроизведенной в сборнике полностью по ее первому изданию, вышедшему в Москве в 1795 году (л. 24 об. — 29 об.). Сюжет ее восходит к «Метаморфозам» Овидия, но, не считая общей конструкции, мифологических имен и античных реалий, это было вполне оригинальное сочинение, созданное для русского читателя: «баснословная» история на сей раз, по признанию сочинителей поэмы (так и не раскрывших свои имена), предлагалась отечественной публике «в новом виде, в простом, натуральном, который более нравится читателю», иными словами, как своего рода «сельская идиллия». Далее следовало уточнение: «Церера у нас простая поселянка, а Прозер-

³ См.: Вачева А. Поэма-бурлеск в русской поэзии XVIII века. София, 1999. С. 116–117.

пина, дочь ее, как деревенская девушка со всею простотою характера, свойственного ее состоянию». А затем обстоятельно излагались мысли сочинителей об избранном ими жанре и результатах их творческих усилий: «Есть картины с некоторою вольностью представленные: но что сочинение без духа! Что сочинитель без вольных мыслей? — Произведения разума его мертвы, и если где и блестит роса на листочках, то редко <...> Мы надеемся, что нечистоты в стиле, случающиеся в нашей поэме, будут извинительны, — это еще первый плод и произведение нашей юности. Да и где не бывает погрешностей в начальных посяжениях к литературе не опытных, но ревностных, молодых писателей <...> Употребление прав, данных стихотворцам, как то: смешивание слов, частая прерывчатость материи и рассеянность мыслей, все сие есть принужденность, и мы старались избегать того по возможности. Их выдумало невежество и пользуются те только, которые не стараются о своем сочинении; короче сказать, площадные писатели — вот все то, в чем мы могли предвидеть читателя касательно до нашей поэмы».⁴

Все остальные тексты, вошедшие в сборник, были не столь велики по объему, относились к различным литературным жанрам и принадлежали по преимуществу современным поэтам, среди которых были и весьма маститые, и совсем молодые. Из поэтов старшего поколения в сборнике были представлены столь несходные по своей одаренности, репутации и авторитету в литературных и читательских кругах М. М. Херасков и В. Г. Рубан. Первый — небольшим лирическим стихотворением «Птичка» (л. 37), второй — типичной для него дифирамбической поэмой «на случай», озаглавленной «Песнь на победы, одержанные генералом графом Александром Васильевичем Суворовым-Рымниским над мятежниками польскими» (л. 53 об. — 54).⁵

Совершенно иначе обстояло дело с творениями самого выдающегося поэта того же, «уходящего», поколения — Г. Р. Державина, которого Ольховский высоко ценил и почитал. Хотя основным источником приведенных в данном случае текстов служила, по всей вероятности, первая часть «Сочинений Державина»,

⁴ Цит. по: Ирои-комическая поэма. Л., 1933. С. 574–575. В этом томе, вышедшем в серии «Библиотека поэта» под редакцией и с примечаниями Б. В. Томашевского, была помещена опубликованная в 1805 году новая версия поэмы, но с обращением авторов к читателям, которое было предпослано изданию 1795 года.

⁵ Полное название поэмы, выпущенной отдельной брошюрой: Пеан, или Песнь на победы, одержанные генералом графом Александром Васильевичем Суворовым над мятежниками польскими в окрестностях города Бреста Литовского, близ Крупницкого монастыря, при реках Мухавице и Буге, текущем в Вислу, 6 и 8 сентября 1794 года. СПб.: Типография Государственной Военной коллегии, 1794.

изданная в Москве в 1798 году, в сборник они вносились в несколько приемов, без сколько-нибудь продуманного плана: можно предположить, что Ольховский неоднократно перечитывал эту книгу, каждый раз находя в ней всё новые шедевры. В общей сложности из огромного поэтического наследия Державина в сборник вошло не менее пятнадцати стихотворений разных жанров, как уже давно принесших поэту широкую известность, так и созданных им в последнее время и еще не успевших обратиться на себя внимание читателей. Даже простой их перечень, особенно если расположить эти тексты в хронологическом порядке, говорит сам за себя: «На Новый год» (1780–1781; л. 61), знаменитая «Фелица» (1782; л. 50–51), «Решемыслу» (1783; л. 61–62), «Видение мурзы» (1783–1784; л. 45–47), «Осень во время осады Очакова» (1788–1789; л. 62 об. — 63), «Кантата на посещение Ее Императорским Величеством Анны Степановны Протасовой» (1789; л. 49 об. — 50), «На счастье» (1789; л. 63–65), «Ода на прибытие Ее императорского Величества в Санкт-Петербург к торжеству мира с королем шведским» (1790; л. 49), «На умеренность» (1792; л. 65 об.), «К Н. А. Львову» (1792; л. 54), «Водопад» (1794; л. 39–44), «На кончину благотворителя» (1795; л. 63), «Бессмертие души» (1797; л. 65 об.), «Приглашение к обеду» (1798; л. 44–45 об.), «К Грациям» (1798; л. 52) — из этого перечня можно заключить, что произведенный Ольховским выбор державинских текстов был в целом далеко не случаен. Тем самым он, пусть и не отдавая себе в этом отчета, как бы прослеживал творческий путь поэта и выявлял различные стороны его мироощущения и дарования. Сочетание одического парения и злободневной сатиры, способность откликаться на все происходящее в стране и мире, трепетное отношение к отечественной природе и привязанность к сельскому быту, но вместе с тем склонность к философическим размышлениям о жизни и смерти, о добре и зле, о славе и горестях людских, а также способность находить утешение в любви и дружбе и, конечно, в религии — всё это было, надо полагать, вполне созвучно ощущениям и настроениям Ольховского и должно было вызывать его сочувствие.

К этому старшему поколению принадлежала также княжна Е. С. Урусова.⁶ Правда, из опубликованных к тому времени ее стихотворений в сборник вошло лишь несколько на изблюбленные ею темы — дружба, любовь к близким, красота и животворящая сила природы, радости сельской жизни и т. п. Достаточно привести их заглавия: «Ручей» (л. 38), «Чувство дружбы» (л. 39) и «Стенная песнь» (л. 39). Показательно и то, что стихотворения Урусовой (как и Державина) охотно печатал в своих изданиях Н. М. Карамзин, о выдающейся

роли которого в современной литературной жизни Ольховский не мог не знать и весьма ценил его как поэта. Тем не менее в свой сборник он включил всего несколько карамзинских стихотворений, извлеченных в основном из «Моих безделок» и «Аонид». В их числе были три стихотворения о природе («Осень», 1789 (л. 38 об.), «К соловью», 1793 (л. 37) и «Молитва о дожде», 1793 (л. 36–37 об.)), два — о высоком призвании человека (ода «К милости», 1792 (л. 48 об. — 49) и «Ответ моему приятелю», 1793 (л. 37)), два — об устройстве мира и законах бытия («Время», 1795 (л. 36 об.) и «Делины слова», 1797 (л. 30 об.)), а также небольшой отрывок на знаменитый мифологический сюжет из повести «Афинская жизнь» («Смерть Орфеева», 1795; л. 38).

Естественно, что Ольховский не прошел мимо стихотворений И. И. Дмитриева, репутация которого к тому времени необычайно возросла: в сборник вошли две его басни — «Червонец и полушка» (1789; л. 47 об.) и «Истукан дружбы» (1791; л. 47), а также эпиграмма «Кто хочет, тот несчастья трус!» (1791; л. 47 об.). Наконец, нашлось место для двух молодых и еще малоизвестных поэтов — П. С. Кайсарова («Цветок», 1789; л. 37 об.)⁷ и В. И. Красовского («Осень», 1802; л. 67); у обоих удел человека сопоставлялся с увяданием еще недавно прекрасного цветка и печальной картиной осенней природы.

Последнее значительное пополнение сборника сильно отличалось по своему жанру и объему от большинства вошедших в него сочинений: это была пространная дифирамбическая «Песнь Екатерине Второй, или Мысли россиянина, пришедшего к ее гробу в 1805 году» плодovitого стихотворца-архаиста Н. М. Шатрова (л. 59 об. — 61), напечатанная в журнале «Северный вестник».⁸

Принадлежность сборника священнику отразилась, естественно, на его составе, но текстов духовного содержания в нем всего три, правда, весьма обширных: это «Слово на Новый год», «Слово на день преобразования Господня» и «Слово на день великомученика Георгия» (л. 30–36), источники которых еще предстоит определить. Неясно также происхождение вошедших в сборник четырнадцати «мыслей» — рассуждений о мироздании, природе и человеческом бытии — о юности и старости, о животных и деревьях, о небесах, солнце, луне, стихиях, земле, море, огне, воздухе, дыхании ветров (л. 55–59). Впрочем, сходным

⁷ Любопытно, что начальная строка стихотворения почти совпадает с начальной строкой одноименного стихотворения Карамзина.

⁸ См.: Северный вестник. 1805. Ч. 5. С. 325–332. Другая редакция этого стихотворения, адресованная «добродетельному вельможе», была почти одновременно опубликована без подписи на страницах «Новостей русской литературы» (1805. Ч. 13. № 17. С. 257–264).

⁶ См.: Кочеткова Н. Д. Княжна Урусова и ее литературные собеседники // Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства. СПб., 2002. С. 94–103.

образом обстоит дело и с некоторыми стихотворениями, имеющими вполне светский характер.

Смерть «грешного Степана», скончавшегося предположительно в середине 1805 года,

положила конец пополнению его «книги», и десять ее листов так и остались пустыми. Где она в дальнейшем хранилась, неизвестно. Нет сведений и о том, кто и когда точно передал ее в Рукописный отдел Пушкинского Дома.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-241-243

© О. А. Лекманов

ЭПИЗОД БИОГРАФИИ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Как известно, в 1913 году Мандельштам «до того бурно увлекся кубофутуристами, что едва не перешел в их группу».¹ Практическим следствием этого увлечения стало, кажется, единственное публичное выступление поэта вместе с участниками кубофутуристической группы «Гилея». Об этом выступлении в интервью В. Д. Дувакину рассказал М. А. Зенкевич: Маяковского «первый раз я увидел на лекции Корнея Ивановича Чуковского, где он читал известную свою статью о футуристах. В это время у нас велись переговоры о блоке между левыми акмеистами и футуристами. И там должен был выступать Мандельштам от акмеистов. Мы с ним вместе кое-что работали к выступлению, но основное он сам все сделал. И вот я пришел на эту лекцию. <...> Они хотели, чтобы туда вошли я, Нарбут и Мандельштам, и тогда соглашались заблокироваться. Посредником был брат Бурлюка, Николай Бурлюк».²

В прекрасно подготовленной летописи жизни и творчества Мандельштама сообщается, что Зенкевич здесь говорит о лекции К. И. Чуковского «Искусство грядущего дня. Русские поэты футуристы», которая состоялась 5 октября 1913 года в зале Тенишевского училища.³ Однако это не совсем так. Название

лекции указано правильно, а дата и место ее проведения — нет. Дело в том, что 4 ноября 1913 года Чуковский еще раз прочитал свою лекцию, на этот раз — в Женском медицинском институте, и Мандельштам присутствовал именно там. Доказательство очень простое: на вопрос Дувакина о месте проведения лекции Зенкевич отвечает так: «На Женских медицинских курсах — это я хорошо помню — на Петербургской стороне».⁴ Женский медицинский институт, действительно, располагался на Петербургской стороне, по адресу: Архирейская улица, д. 6–8 (ныне — ул. Льва Толстого).

В двух газетных отчетах о лекции Чуковского и диспуте, который был устроен после нее, выступление Мандельштама, к сожалению, не отреферировано. В одном отчете издевательски пересказываются реплики Маяковского и Крученых, а затем сообщается: «...течение футуристического диспута превращается в бесконечные и нудные пререкания между противниками и сторонниками футуристов. <...> В такой атмосфере „скандализованного успеха“ выступили еще два-три адепта футуризма от учащейся молодежи».⁵ Второй отчет столь же лаконичен: «Говорили еще несколько футуристов из молодых. Слушатели добродушно аплодировали, раздавался смех, прерываемый изредка свистом <...> Выступавшие футуристы были именно те футуристы, над которыми не следует задумываться, и лекции о которых абсолютно не нужны».⁶

Как это часто бывает, основная полемика на диспуте развернулась вокруг финального, ударного пассажа лекции-статьи Чуковского.

фа, Д. Зубарева, Е. Лубянской, П. Минцера. СПб., 2019. С. 63.

⁴ Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. С. 29.

⁵ [Б. п.]. Среди футуристов // День. 1913. № 303. 8 нояб. С. 3.

⁶ Михайлов С. Диспут футуристов // Театр и жизнь. 1913. 9 нояб. № 184. С. 11.

¹ Иванов Г. Осип Мандельштам // Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 619.

² Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Вступ. статья, подг. текстов, сост. и комм. О. Фигурнова, М. Фигурнова. М., 2002. С. 26–27. См. также письмо В. Нарбута М. Зенкевичу от 17 декабря 1913 года (Владимир Нарбут: 16 писем к Михаилу Зенкевичу / Публ. и подг. текста М. Котовой и О. Лекманова; прим. О. Лекманова // «Сохрани мою речь...». М., 2008. Вып. 4/1. С. 85–86). Николай Бурлюк был, с одной стороны, кубофутуристом, а с другой — участником первого «Цеха поэтов».

³ Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. 3-е изд., испр. и доп. / Сост. А. Мец, при участии С. Василенко, Л. Видго-